

Заглавие статьи	ВНУТРИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПЕРИОД КРИЗИСА ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ (1911-1917 гг.)
Автор(ы)	Ф. А. ГАЙДА
Источник	Российская история , № 4, 2009, С. 77-90
Рубрика	<ul style="list-style-type: none"> • Внутренняя политика России в начале XX века
Место издания	Москва, Россия
Объем	59.2 Kbytes
Количество слов	7859
Постоянный адрес статьи	http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/20473355

ВНУТРИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПЕРИОД КРИЗИСА ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ (1911-1917 гг.)

Автор: Ф. А. ГАЙДА

Проблема внутриправительственных конфликтов крайне важна для понимания особенностей внутренней политики Российской империи в целом и ее третьеиюньского периода в частности. Каждый министр, сохраняя право личного доклада императору, был относительно независим в управлении своим ведомством. Однако проведение им той или иной политики часто приводило к столкновениям с интересами других ведомств, что неизбежно оказывало влияние на правительственный курс и его реализацию в общегосударственных масштабах. С проявившимся весной 1911 г. упадком третьеиюньской системы такие столкновения приняли особенно частый характер и со временем оказывали на ее эволюцию все большее влияние.

На изучение внутриправительственных конфликтов в период третьеиюньской монархии впервые обратил внимание В. С. Дякин. Отмечая разнохарактерность их мотивов, он считал политические противоречия в Совете министров "значительными" (рассматривая, например, Л. А. Кассо, Н. А. Маклакова, В. К. Саблера и И. Г. Щегловитова, с одной стороны, и А. В. Кривошеина, с другой, как политических противников В. Н. Коковцова), но в то же время подчеркивал постоянный рост противоречий, связанных с решением экономических задач. Так, конфликт Коковцова и Кривошеина, по мнению историка, имел важную экономическую составляющую: вопрос о сельскохозяйственном кредите естественным образом привел к трениям между Министерством финансов и Министерством торговли и промышленности, с одной стороны, и Главным управлением землеустройства и земледелия - с другой, а проблема правительственной политики в отношении синдикатов усиливала это противостояние, к которому на стороне ведомства Кривошеина примыкало еще и Министерство путей сообщения. В основании "Нового курса" правительства И. Л. Горемыкина Дякин также видел преимущественно экономические соображения¹. Основными виновниками перманентного политического конфликта в Совете министров он считал Горемыкина, А. Н. Хвостова, Б. В. Штюрмера и А. Д. Протопопова. В дальнейшем эта тема получила развитие в работах М. Ф. Флоринского, исследовавшего межведомственные конфликты, возникавшие в Совете министров². Рассмотрев расстановку сил в Совете министров осенью 1915 - начале 1916 г. Р. Ш. Ганелин и Флоринский пришли к выводу о том, что внутриправительственная борьба в этот период была, прежде всего, вызвана карьеристскими стремлениями А. Н. Хвостова³.

Борьба в правительственных сферах стала одной из главных тем вышедшей недавно монографии С.В. Куликова⁴. Опираясь на богатый документальный материал, автор выдвинул концепцию, которая практически полностью противоположна взгляду Дякина. Рассматривая бюрократию как часть интеллигенции, Куликов утверждает, что в период Первой мировой войны именно политические противоречия были в правительстве основными, причем борьба шла между двумя течениями "правительственного либерализма" - "дуалистами" (умеренными либералами, сторонниками сохранения существовавшего строя) во главе с императором Николаем II и Горемыкиным и "парламентаристами" (сторонниками установления парламентарного строя, близкими

Гайда Федор Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проекты N 06 - 01 - 00154а, 07 - 01 - 94684 м/м.

стр. 77

по взглядам к кадетам), возглавляемыми Кривошеиным. Коренное различие между группами заключалось в том, что "дуалисты" были приверженцами идеи разделения властей, тогда как "парламентаристы" выступали за передачу верховной власти парламенту. Все министры распределяются Куликовым по этим двум группам. Их противостояние, в которое включились и общественные силы, спровоцировало, по мнению исследователя, политический кризис и падение монархии⁵. Такой вывод, как представляется, противоречит верному представлению Куликова о рациональности поведения представителей высшей бюрократии⁶. К сожалению, в монографии, где все подчинено магистральной идее, не анализируются непосредственные мотивы и специфика различных конфликтов. Между тем, исследование таких аспектов политического процесса неизбежно требует детального анализа и сочетания различного рода источников (официальной документации Совета министров⁷, стенограммы допросов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства⁸, мемуаров и переписки министров и т.д.). Таким образом, несмотря на то, что внутривластная борьба в третьеиюньский период еще недостаточно разработана, можно говорить о наличии различных, и подчас противоположных, точек зрения на характер конфликтов в правительстве накануне падения Российской империи⁹.

После гибели П. А. Столыпина, политические вкусы которого оказывали значительное влияние на формирование правительства, уровень конфликтности в Совете министров заметно повысился. Недоброжелатели В. Н. Коковцова объясняли это личными свойствами нового председателя. С.Ю. Витте считал его человеком, чьи действия определялись исключительно карьерными соображениями и тем, "что он считает в данный момент для себя выгодным". При этом какого-либо изменения столыпинского курса Витте не ожидал. Схожей была и позднейшая оценка бывшего товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова, полагавшего, что для Коковцова, в отличие от Столыпина и Кривошеина, наибольшее значение имели личные интересы. "На посту председателя Совета министров, т.е. руководителя политики, у В. Н. Коковцова никакой системы не было, - утверждал он, - так как нельзя назвать системой изменчивость взглядов, свойственную только капризной женщине"¹⁰. Более лояльно относившийся к главе правительства министр иностранных дел С. Д. Сазонов отмечал, что "у Коковцова была масса врагов, благодаря его малоуживчивому нраву, отсутствию гибкости и вкорененной долгой бюрократической службой привычке поступать по своим убеждениям, не

принимая во внимание мнений своих противников". В результате, он испортил отношения и с Государственной думой, и с императрицей (из-за резко неприязненного отношения к Распутину)¹¹.

Сам Коковцов не склонен был объяснять конфликты в правительстве политическими разногласиями. В то же время едва ли не всех своих коллег по Совету министров он обвинял во властных амбициях. Прежде всего, это касалось министра юстиции И. Г. Щегловитова, которого Коковцов подозревал в стремлении занять его место (напротив, явное несоответствие их взглядов на национальный вопрос и политику в Финляндии и Польше представлялось главе правительства несущественным)¹². Коковцов не рассматривал "консервативное крыло" Совета как некую политическую группировку, сводя все к тому, что "Щегловитов и Рухлов секретно действовали против меня, имея на своей стороне Сухомлинова"¹³. Впрочем, он признавал, что министр путей сообщения С. В. Рухлов склонен был поддерживать главу правительства всякий раз, когда встречал с его стороны понимание проблем железнодорожного строительства¹⁴. Конфликт Коковцова с военным министром В. А. Сухомлиновым из ведомственного довольно быстро перешел в личный. Военное министерство добивалось выделения кредитов на нужды армии, против чего возражал Коковцов, считавший требования Сухомлинова легковесными и непродуманными, а самого министра - некомпетентным и склонным к "беззащитным передержкам"¹⁵. На это Сухомлинов на заседании Совета министров как-то заявил, что, когда начнется война, "стрелять деньгами в противника будет нельзя" и весь оберегаемый министром финансов "золотой запас и остальные накопленные средства при национальном позоре перейдут в карманы победите-

стр. 78

лей"¹⁶. Не менее сложными были отношения между председателем Совета министров и министром народного просвещения. Будучи не в силах добиться отставки Л. А. Кассо или хотя бы ослабить доверие к нему императора, Коковцов не мог влиять на дела Министерства народного просвещения даже в тех случаях, когда считал свое вмешательство оправданным "общеполитической атмосферой" и соображениями высшего порядка¹⁷.

Государственный контролер П. А. Харитонов, хотя и не находился в конфликте с главой правительства, также тяготел к его противникам. "Умный, циничный и хитрый Харитонов, - писал Коковцов, - всегда примыкал туда, где, казалось ему, сила, а она при всем его либерализме влекла его в сторону *так называемых консервативных элементов* (выделено мною. - Ф. Г.)... На самом же деле Харитонов просто чуял, что медовый месяц моего положения прошел, и выгоднее примыкать против меня". При этом, как отмечал Коковцов, государственный контролер не хотел ссориться ни с Щегловитовым, ни с Кривошеиным, "не зная хорошенько, кто из них построит свое благополучие на моих развалинах"¹⁸.

Отношения с главноуправляющим земледелием и землеустройством Кривошеиным у председателя Совета министров, по его собственному свидетельству, "примерно до ноября 1913 года были наружно очень хорошие" и даже "почти дружеские" (этому не мешали ни "размолвки по Крестьянскому банку", ни неизбежные бюджетные споры). "Мы редко расходились в Совете министров по большинству острых и крупных вопросов, мы всегда находили общий язык и обоюдное понимание, - вспоминал Коковцов. - ...Время от времени он даже как-то особенно близко подходил ко мне, входил в самые откровенные беседы, открывая мне, что называется, свою душу и доходя даже до таких тайников моего

мышления, как, например, пессимистический анализ характера Государя, приводивший постоянно Кривошеина, по его словам, к мрачным выводам о будущем России и грозящем ей рано или поздно катастрофой от того рокового влияния, которое имеют на ее судьбы случайные люди. Подчас мне казалось, что его откровенность в этом вопросе имела целью узнать лишь мой взгляд на него, и я высказывался всегда очень сдержанно, не давая ему повода отождествлять себя с ним". Вместе с тем Коковцов не сомневался, что "такие опытные люди, как Кривошей, зорко следили за развитием распутинской истории и прекрасно учитывали отношение ко мне императрицы". Как бы то ни было, желания возглавить Совет министров Коковцов у Кривошеина не усматривал: "Брать на себя тяготу ответственности за общее направление дел, в особенности среди надвигавшихся осложнений, Кривошей не хотел. Он хорошо понимал и, пожалуй даже лучше, чем кто-либо, оценивал, что в России первому министру опереться не на кого. Его жалуют только пока человек не выдвигается слишком определенно в общественном мнении и не играет роли действительного правителя; а стоит этому человеку приобрести решающее влияние на дела, как наступает для него пора, чреватая всякими неожиданностями". К тому же, по мнению Коковцова, Кривошей не имел ярко выраженных политических взглядов и вынужден был постоянно лавировать между правым крылом Государственного совета и либералами в Государственной думе¹⁹.

Сам Коковцов полагал, что из всех конфликтов в Совете министров в 1912 - 1913 гг. только его столкновения с министрами внутренних дел А. А. Макаровым и Н. А. Маклаковым имели политическую подоплеку. Именно Коковцов в 1911 г. настойчиво рекомендовал императору назначить Макарова на пост министра внутренних дел²⁰. Однако впоследствии в своих мемуарах председатель Совета министров вынужден был признать: "Подчинить Макарова моему влиянию мне не удалось". Напротив, он "подпал под влияние своих сотрудников", и прежде всего - товарища министра А. Н. Харузина (Макаров при этом характеризовался мемуаристом как человек "честный по личным взглядам, но ограниченный и упрямый до крайности"). Проведение выборов в Государственную думу в 1912 г., по словам Коковцова, "окончательно рассорило" его с министром внутренних дел²¹.

стр. 79

Первоначально Коковцов пытался передать организацию выборов в руки творца третьеиюньской избирательной системы СЕ. Крыжановского, занимавшего тогда пост государственного секретаря. Председатель Совета министров писал даже Николаю II, что без "ловкости" Крыжановского выборы могут принести "крупные разочарования"²². Тем не менее Макаров настоял на том, чтобы выборы проходили под контролем МВД. Предполагалось, что правительство будет лишь противодействовать "левым течениям", не оказывая какой-либо особой поддержки правым. Министр финансов даже считал бессмысленным привычное дотирование правой печати, как вздорной и неэффективной, однако Макаров сумел его убедить в том, что такую поддержку нельзя прекратить непосредственно накануне выборов. Между тем Макаров и Харузин "выпустили дело из своих рук" и предоставили излишнюю инициативу губернаторам, позволив им во время выборов сводить счеты со своими личными врагами²³. Действия руководства МВД вызвали недовольство главы правительства. Но характерно, что Коковцов никогда не упоминал о каких-либо разногласиях с обер-прокурором Св. Синода В. К. Саблером, не менее активно участвовавшим в избирательной кампании 1912 г. Напротив, он всячески подчеркивал свое единомыслие в церковных делах с императором и обер-прокурором, пользовавшимся особой поддержкой монарха²⁴. Видимо, неловкие действия Макарова при

проведении выборов лишь дали Коковцову повод освободиться от слишком строптивного министра внутренних дел.

Сменивший Макарова Маклаков был назначен по личному желанию царя и вопреки воле председателя Совета министров. Несмотря на заведомо натянутый характер их взаимоотношений, прямое столкновение между премьером и новым министром произошло лишь однажды. 27 ноября 1913 г. на заседании Совета министров обсуждался вопрос о выборах московского городского головы, результат которых должен был утвердить министр внутренних дел. С подачи кн. В. П. Мещерского Маклаков предложил императору назначить городским головой члена Государственного совета Б. В. Штюмерера, известного своими правыми взглядами. Коковцов протестовал, опасаясь недовольства московской общественности. Прочие министры, кроме хранивших молчание Сухомлинова и Кассо, также высказались против идеи Маклакова. В особом журнале Совета министров отмечалось, что назначение Штюмерера привнесет во взаимоотношения правительства и московского городского самоуправления "вредные начала недоверия, розни и раздражения"²⁵. Не получила поддержки министров и предпринятая Маклаковым попытка ужесточить административный контроль над печатью²⁶.

Таким образом, конфликты в Совете министров в период председательства В. Н. Коковцова порождались почти исключительно межведомственными противоречиями и личными амбициями, которые глава правительства оказался не в состоянии ни устранить, ни сдерживать. Политические столкновения, даже сравнительно частные (как в случае с выборами московского городского головы), возникали крайне редко и носили единичный характер. Неудивительно, что в начале 1914 г. Коковцов в разговоре с издателем еженедельника "Экономист России" назвал причиной своей отставки безволие императора и безответственность царских советников, а не какие-либо принципиальные политические расхождения²⁷.

Как отмечал С. Д. Сазонов, только при новом председателе Совета министров И. Л. Горемыкине правительство впервые расколосось по политическим взглядам на две группы. Первая ("правая") группа во главе с Щегловитовым поддерживала Горемыкина и была более многочисленной, "по крайней мере, в первое время, пока несостоятельность Горемыкина не сделалась очевидной для всей страны". По словам Сазонова, эта группа состояла из противников столыпинской политики ("в более или менее скрытой форме"), а некоторые ее представители были "тайными распутницами". "Если они допускали необходимость реформ, - вспоминал Сазонов, - то таких только, которые не касались важных частей государственной машины, обветшавших от долголетнего употребления". В то же время "с существованием Государственной думы им, не менее, чем самому Горемыкину, было особенно трудно примириться и тем более установить с нею необходимый *modus vivendi*". Как уверял министр иностранных дел,

"вторая группа министров, получившая совершенно незаслуженное звание радикалов, состояла из таких же убежденных монархистов, как их более правые товарищи с тою только разницей, что они понимали, что не может быть учреждения, как бы разумно ни было его основание, которое могло бы претендовать на неизменность"²⁸. Таким образом, основной причиной политических разногласий в правительстве, по его мнению, было различное отношение к Думе. Однако принципиально враждебно к ней относился лишь Маклаков, дважды (в октябре 1913 г. и в июле 1914 г.) предлагавший распустить Думу и

даже изменить избирательный закон и оба раза оставшийся в Совете министров в одиночестве²⁹.

Как отмечал помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов, до лета 1915 г. между Горемыкиным и Кривошеиным существовало "неизменное согласие"³⁰. Новый министр финансов П. Л. Барк, назначенный по рекомендации Кривошеина, обозначал состав "правой" группы лишь тремя фигурами (Щегловитов, Маклаков и Кассо, скончавшийся в ноябре 1914 г.). "Правые" пытались привлечь на свою сторону и самого Барка, но тот проявлял сдержанность в политических вопросах³¹.

Гр. П. Н. Игнатъев, ставший в январе 1915 г. управляющим Министерством народного просвещения, был близок к Кривошеину, Сазонову и Харитонову. В своих показаниях Верховной следственной комиссии Временного правительства он указывал, что до мая-июня 1915 г. "по существу политики" ему были близки Харитонов и Сазонов, а "по общей психологии" - Кривошей (под "общей психологией" Игнатъев понимал стремление преодолеть вражду между властью и общественностью, их разделение на "мы" и "они"). Кривошей также видел в Игнатъеве близкого по политическим взглядам человека и потому последовательно предлагал ему посты в Главном управлении землеустройства и земледелия, МВД и, наконец, в МНП. "В общем же мы составляли группу", - утверждал Игнатъев. При этом он признавался: "Для меня было ясно, что все усилия Кривошеина сводятся к тому, чтобы руководить Горемыкиным и вести его к принятию определенной политики. В чем была эта политика по существу, я бы даже не сумел формулировать, потому что желал сохранить своему ведомству *аполитичность* (выделено мною. - Ф. Г.)". Единственная цель их "группы" состояла, по мнению Игнатъева, в том, чтобы наладить нормальное сотрудничество с Государственной думой³².

Другую группировку, по словам Игнатъева, возглавлял Щегловитов, "который притягивал к себе Маклакова и *некоторых других* (выделено мною. - Ф. Г.)". В интересах этой группы действовала и Ставка, игравшая важную политическую роль. Она выступала, "напротив того, за усиление центральной власти, за усиление административной власти" и стремилась, "по возможности, отмежеваться от Государственной думы, сократить ее влияние на внутреннюю жизнь и, главное, отмежевать ее от войск". К началу 1915 г. между Кривошеиным и Маклаковым был уже открытый конфликт, и они не подавали друг другу руки. Кроме того, "Кривошей не переносил Саблера"³³. Вместе с тем Игнатъев делал существенную оговорку: "Должен сказать, что в первой части 1915 года политики почти не было. ... Все были убеждены, что война скоро кончится"³⁴. Характерно, что политические противоречия обострились в Совете министров одновременно с Великим отступлением 1915 г., катализировавшим правительственный кризис и активизацию оппозиции. По сути, они выражали прежде всего реакцию министров на происходившие события. При стабилизации же обстановки политические споры быстро отходили на второй план.

Кн. В. Н. Шаховской, вошедший в Совет министров в феврале 1915 г., вспоминал, что на тот момент в правительстве шла борьба большинства, во-первых, против Сухомлинова, которого критиковали за состояние дел в его ведомстве, и, во-вторых, против придерживавшихся правых взглядов Щегловитова и Маклакова, к которым иногда примыкал и Саблер, обычно остававшийся в стороне от каких-либо споров. Проводя подобную дифференциацию кн. Шаховской подчеркивал разнохарактерность существовавших в Совете министров противоречий. Так, он утверждал, что его разногласия

с Барком, Игнатьевым и морским министром И. К. Григоровичем носили ведомственный характер и никак не влияли на их личные отношения³⁵.

По мнению Барка, конфликт, разразившийся в Совете министров в мае 1915 г., был вызван необходимостью обеспечить сотрудничество с Думой. Собравшись в здании МИД, Кривошей, Харитонов, Рухлов, Игнатьев, Григорович, Шаховской и Барк приняли решение, угрожая своей отставкой, добиться от Горемыкина созыва Думы и удаления трех "правых" министров (Щегловитова, Маклакова и Саблера), а также Сухомлинова, который, хотя и не был "правым", но "не сумел установить нормальных отношений с Государственной думой". Щегловитову и Маклакову в воспоминаниях Барка ставилось в вину то, что они открыто признавали манифест 17 октября 1905 г. ошибкой, а Россию считали "настолько отсталой страной, что к ней применимо только самодержавие"; Саблер "был менее ярким выразителем таких крайних взглядов". Вести переговоры с председателем Совета министров поручили Барку, к которому Горемыкин, по свидетельству самого министра финансов, относился "с особой симпатией и доверием"³⁶. Возможно, была и другая причина. Яхонтов вспоминал о своем разговоре с государственным контролером, состоявшемся вскоре после данного совещания: "Харитонов, подчеркнув, что наиболее горячо ратовал Барк, добавил с присущим ему язвительным смешком - окончательно запутал финансовое положение и хочет уйти под благовидным предлогом"³⁷. Таким образом, Барк был уполномочен вести переговоры с Горемыкиным, как самый активный сторонник задуманного демарша.

Дополнительной причиной разногласий в правительстве в мае 1915 г. стал польский вопрос³⁸. Щегловитов, Маклаков и Саблер изначально выступали против любых уступок полякам³⁹. М. Ф. Щегловитова, супруга министра юстиции, вспоминала, что для ее мужа польский вопрос был крайне важен. Воззвание верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича к полякам, в котором говорилось о даровании после войны автономии, стало для Щегловитова "ударом": "Тогда он окрестил этот акт "началом конца России"⁴⁰. Предвидя неизбежные осложнения, Сазонов добивался кулуарного решения вопроса о польской автономии (в интересах МИД было сформулировать перед союзниками "мягкую линию" в отношении Польши). Однако данный вопрос все же был передан на рассмотрение Совета министров, что вызвало крайнее раздражение министра иностранных дел⁴¹. Выдвинутая Сазоновым идея автономии была поддержана на заседании Кривошеиным. Когда же Маклаков заявил, что в таком случае главной целью войны для России станет польская независимость, Кривошей возмутился, обвинил его в клевете и обещал прислать секундентов. Горемыкин вынужден был спешно закрыть заседание⁴².

Помимо прочего, конфликт Кривошеина и Маклакова был связан и с диаметрально противоположной политикой в отношении Всероссийских Земского союза и Союза городов. 25 ноября 1914 г. в Совете министров обсуждалась записка министра внутренних дел о необходимости установления государственного контроля за Земгором, что обосновывалось отсутствием финансовой отчетности и политизацией его деятельности. Сторонников у Маклакова вновь не нашлось, и его предложения были отвергнуты⁴³. Весной 1915 г., упомянув в разговоре с А. Н. Наумовым (тогда - самарским предводителем дворянства и активистом Земгора) о главноуправляющем землеустройством, Маклаков даже "не мог воздержаться, чтобы не наговорить целый ворох недоброжелательных о нем отзывов, ставя Кривошеину в вину, главным образом, его "заигрывание" с общественными организациями". При этом "Маклаков разразился самой ожесточенной критикой по адресу общеземских и городских организаций"⁴⁴.

30 июля 1915 г., вскоре после отставки, в личном письме К. Н. Пасхалову Маклаков обвинил Кривошеина во втягивании армии в политику, в избрании А. И. Гучкова председателем Центрального военно-промышленного комитета и в травле губернаторов газетчиками. "И все это делает, - негодовал он, - бесчестный проходимец Кривошей, который совсем собьет с толку благородного и очень глубоко честного князя Щербатова. Помесь жида и польки теперь стал во внутренней России фактическим главнокомандующим, и я не сомневаюсь, что он спихнет допотопного плута сейчас же, как толь-

стр. 82

ко кончится сессия, причем будет ломаться как Борис Годунов и будет доказывать, что можно обойтись без него. Но, конечно, пойдет, чтобы добить исконную, русскую Россию. Таким господам она не дорога"⁴⁵. Бывший министр внутренних дел прекрасно понимал, что это письмо будет перлюстрировано и доложено его преемнику кн. Н. Б. Щербатову. Отсюда - не только комплименты, но и своеобразное политическое завещание.

После перемен в составе Совета министров в него, по словам гр. Игнатьева, "вошли элементы *правого крыла* (выделено мною. - Ф. Г.), но общественно настроенные". "Кривошей был бюрократ по крови, - пояснял граф, - он воспринял общественность не по нутру, а по умственному убеждению. Поэтому, когда он в обстановке иной бывал, его сбивали". Однако уже сменивший Сухомлинова новый военный министр А. А. Поливанов был "более или менее верующий в это нутром". Действительно все новые министры, кроме министра юстиции А. А. Хвостова, либо сами являлись представителями общественности (А. Д. Самарин, кн. Щербатов), либо были с ней тесно связаны, как тот же Поливанов. "Постепенно большинство членов Совета, почти единогласно, перешли на нашу сторону", - вспоминал гр. Игнатьев⁴⁶.

В это же время, в июне 1915 г., почти внезапно произошел разлад между Кривошеиным и Горемыкиным. 5 министров (Кривошей, Поливанов, Харитонов, Барк, гр. Игнатьев) собрались на квартире главноуправляющего землеустройством, чтобы обсудить вопрос об отставке Горемыкина, которому вменялся в вину не тот или иной курс, а его отсутствие. "Пускай какая угодно будет программа, - рассуждали собравшиеся, - но ясная и определенная как для нас, его коллег, так и для страны и законодательных палат, пускай будет ясен путь, которым нужно идти, чтобы выбраться из этого тяжкого положения, а плыть без руля и без ветрил мы не можем". Помимо того, председатель Совета министров обвинялся в нежелании идти на тесный контакт с общественными организациями и Думой (со своей стороны, правда, Горемыкин, в сентябре 1915 г. отрицал отсутствие этого контакта)⁴⁷. Сазонов и Барк также утверждали, что конфликт с Горемыкиным произошел именно из-за его неумения наладить взаимоотношения с Думой⁴⁸. По словам Поливанова, отношения министров с Горемыкиным начали обостряться "невидимо": он "легко склонился на перемену Щегловитова и Саблера" и явно "эволюционировал в смысле движения навстречу общественности", но уже "в августе в нем замечалось начало реакционное"⁴⁹.

В 1917 г. кн. Щербатов говорил, что "работать с председателем совета никакие министры [были] не в состоянии, независимо даже от взглядов", поскольку количество дел, обсуждавшихся в Совете министров, возрастало, а "ничего планомерного не было"⁵⁰. Директор Департамента полиции МВД СП. Белецкий, не отличавшийся, впрочем, особой честностью, полагал, что конфликт Горемыкина и Кривошеина носил сугубо личный характер: Горемыкин опасался "заместительства Кривошеина" и потому уже в августе

1915 г. использовал в борьбе с ним подписанное Кривошеинным письмо к императору, в котором шла речь "о даровании стране прочных конституционных гарантий"⁵¹.

Иного рода причины указывал Яхонтов. По его мнению, к столкновению между Горемыкиным и Кривошеинным привели "выступление объединенной общественности" и появление в Совете министров Поливанова. "При виде столь быстрого перелома... невольно закрадывалось подозрение, - писал он позднее, - что А. А. Поливанов сумел "окрутить" А. В. Кривошеина, глубоко потрясенного и угнетенного невыразимыми бедствиями". Бывший помощник военного министра, отправленный в 1912 г. в отставку из-за разногласий со своим непосредственным начальником Сухомлиновым, "Поливанов за годы своего отчуждения от власти настолько поддался чувству обиды и озлобился (если только это не было свойством его натуры), что он уже не мог примириться с тем строем, в котором ему не посчастливилось в свое время завоевать первенствующее положение". "Под его тлетворным влиянием, - утверждал Яхонтов, - стал проникать в Совет министров дух политических происков, интриг и протеста". В период командования вел. кн. Николая Николаевича Поливанов резко критиковал действия Ставки, но затем резко поменял свою точку зрения и "сосредоточил свои усилия на объединении Совета министров против царского намерения не столько с военной,

стр. 83

сколько с политической точки зрения". "Когда же на этой почве обнаружился в Совете министров разлад, - вспоминал помощник управляющего делами, - Поливанов всячески способствовал его обострению и углублению, перенося вопрос на принципиальную почву и ведя ожесточенную кампанию против И. Л. Горемыкина. Игра его была настолько умело комбинирована, что одно время он находился накануне назначения на пост председателя Совета министров"⁵². В августе 1915 г., наблюдая за развитием правительственного кризиса, Яхонтов недоумевал: "Не понимаю, чего добивается Поливанов. Он всех науськивает и против великого князя (Николая Николаевича. - *Ф. Г.*), и против принятия командования Государем, и против Ивана Логгиновича (Горемыкина. - *Ф. Г.*). Уж не своего ли друга любезного г. Гучкова он ладит в спасители отечества"⁵³.

Кн. Шаховской сперва положительно относился к замене Сухомлинова на "умного и образованного" Поливанова, который имел тесные связи со Ставкой, больше своего предшественника знал о состоянии дел на фронте и мог информировать остальных министров. Однако затем Шаховской заметил авантюристические наклонности Поливанова и его стремление "культивировать отношения с тою общественностью, которая не может быть иначе названа, как революционная общественность". Князю "казалось, что он был удовлетворен" поражениями русской армии. Изменение мнений Поливанова по различным вопросам экономической политики также определялось заигрыванием с оппозицией. В частности, в октябре 1915 г. Поливанов поддержал в Совете министров, но затем провалил в Особом совещании по обороне проект Шаховского об организации черной металлургии. Кроме того, заботясь о выгодах отдельных предпринимателей, Военное министерство систематически ущемляло интересы казенной промышленности, защитником которой выступал Шаховской. К примеру, только при содействии императора министр торговли и промышленности смог отстоять решение о поддержке Пермского артиллерийского завода (Поливанов добивался открытия там же аналогичного частного предприятия)⁵⁴.

Решение императора принять на себя обязанности верховного главнокомандующего, обсуждавшееся в Совете министров в начале августа 1915 г., вызвало кризис в его

деятельности. Министры не чувствовали поддержки ни со стороны общества, ни от верховной власти. Горемыкин, считавший состоявшееся решение ошибочным, исходил из того, что оно уже было принято, и выступил против какого-либо обращения министров к императору по этому поводу. "Какая в Совете министров кислятина", - сказал он тогда же управляющему делами Совета министров И. Н. Ладыженскому. 12 августа Горемыкин вынужден был прервать речь недавно назначенного обер-прокурором Св. Синода московского предводителя дворянства А. Д. Самарина, заговорившего о "влияниях" на принимаемые императором решения. 16 августа Яхонтов записал в своем журнале: "Опять нервничают. Поливанов во время беседы больше молчит с видом оппозиционным. У Самарина вид грустный, встревоженный. Игнатъев все время почему-то воздерживается от участия в общем обмене мнений". 18 августа Яхонтов уже фиксировал неспособность правительства к ведению собственных дел: "Нервность сильная. Перебегают от одного вопроса к другому, обрывая суждения и не сговариваясь о постановлении. ... Если судить о положении дел по разговорам в Совете, то... скоро придется повисеть на фонаре"⁵⁵.

19 августа, при обсуждении вопроса об эвакуации Петрограда и резолюции московской городской думы, в которой наряду с демонстративным приветствием вел. кн. Николаю Николаевичу говорилось о "министерстве доверия", в Совете министров зашла речь о сложившейся политической обстановке. "Прения носили исключительно горячий, даже резкий характер, - констатировал Яхонтов. - ... Не прения, а перекрестный спор". Горемыкин предложил не реагировать на резолюцию. Поливанов считал необходимым доложить о ней царю, попытавшись убедить его отложить замену Верховного главнокомандующего. Сазонов, Самарин, Харитонов, Кривошей поддержали идею удовлетворения требований городской думы в этом вопросе. Когда Горемыкин отметил, что такой шаг способен лишь обострить обстановку, Кривошей, поддержанный Шаховским, Поливановым, Сазоновым и Самариним, впервые поставил вопрос о до-

стр. 84

верии к председателю правительства. После заседания Горемыкин заявил Ладыженскому: "Государь император остается правым, а в Совете министров происходит быстрый сдвиг влево, вниз по течению". Позиция Горемыкина в разгорающемся конфликте объяснялась именно этим фактом. Вместе с тем, вопрос об отношении к Государственной думе в тот момент не вызывал разногласий в правительстве: по общему мнению министров ее пора было распускать⁵⁶.

21 августа в Совете обсуждался проект ответа императора на телеграмму московского городского головы (в которой была приведена резолюция думы). Горемыкин, поддержанный министром юстиции А. А. Хвостовым, находил, что достаточно ограничиться выражением монаршей благодарности, Сазонов, Щербатов, Игнатъев, Поливанов, Григорович, Самарин и Барк считали необходимым отвечать по существу. Сазонов предложил заявить Николаю II, "что при слагающейся обстановке мы не можем управлять страной, что мы бессильны служить по совести, что мы вредны нашей родине". Горемыкин парировал: "То есть, говоря просто, Вы хотите предъявить своему царю ультиматум"⁵⁷. "Предвзятость и, надо сказать, заносчивость С. Д. Сазонова в спорах проявлялись особенно резко при обсуждении вопросов внутреннего порядка и в принципиальных разномыслиях", - отмечал Яхонтов⁵⁸.

Горемыкину перемена решения о Верховном командовании представлялась более опасной, чем само решение. Несмотря на давление коллег, председатель Совета министров отверг идею коллективного обращения к царю, находя ее превышающей

полномочия правительства. Однако он заявил, что не может препятствовать частным обращениям министров к Государю. Кроме того, Горемыкин просил Сазонова лично доложить императору о "непригодности и о необходимости замены" председателя Совета министров. В резолюции московской городской думы Горемыкин и Хвостов видели проявление оппозиционной деятельности и потому признавали какие-либо уступки неразумными. Остальные министры настаивали на ее патриотическом характере. В результате, в проекте телеграммы городскому голове было указано на необходимость единения верховной власти, правительства и народа перед лицом внешнего врага. Текст был ближе к пожеланиям Горемыкина.

Подводя итог споров, Сазонов заявил: "Мы радикально расходимся в оценке современного положения и средств борьбы с надвигающейся грозой". Со своей стороны, Сазонов и кн. Щербатов считали необходимым поставить монарха перед выбором: "либо диктатура, либо примирительная политика". "Я тоже люблю своего царя, глубоко предан монархии...", - заявил Горемыкину Самарин. - Но если царь идет во вред России, я не могу за ним покорно следовать". Харитонов добавил: "Мы служим не только царю, но и России". "В моем представлении эти понятия неразделимы. Здесь корень нашего разномыслия", - отвечал Горемыкин. Харитонов, Сазонов и Самарин с этим согласились. За исключением Хвостова, министры подписали письмо к Николаю II, в котором вновь выражали свое опасение по поводу принятия им верховного командования (за день до того оно уже высказывалось ими на заседании правительства под председательством царя), а также обращали внимание на "коренное разномыслие" между ними и их председателем⁵⁹.

26 августа Совет министров обсуждал вопрос о прекращении думской сессии. Сазонов и Григорович опасались, что это даст повод для забастовок рабочих. Поливанов и Харитонов считали нужным предварительно сговориться с депутатами. В связи с этим Сазонов предложил провести переговоры и по поводу только что выдвинутой программы Прогрессивного блока (в ней говорилось о "министерстве доверия", политической амнистии, отмене национальных и религиозных стеснений, ограничений для печати и профсоюзов, о демократизации земского и городского самоуправления, о введении земских учреждений на окраинах, о создании волостного земства, о мировых судах, кооперативах и т.д.). Позиция Сазонова, заявившего, что "о приемлемости всей программы не может быть и речи", хотя практически все ее положения выполнимы, была полностью поддержана участниками заседания. Тем не менее выявилась разница в понимании целей блока: если Сазонов и Поливанов видели в нем патриотическое объеди-

нение, то Горемыкин считал его направленным на "захват власти". Впрочем, Сазонов, кн. Шаховской, кн. Щербатов и Харитонов не ставили под сомнение необходимость распустить Думу. Горемыкин, считая программу блока отчасти приемлемой, полагал все же недопустимым вести переговоры не с парламентом, а "со случайным объединением" членов двух законодательных палат. Он также не желал, согласившись на их требования, "связывать себе руки в военное время". В результате, министры решили провести неформальные консультации с депутатами, понять их настроения, успокоить страсти, а затем уже закрыть сессию. После переговоров с членами блока, убедившись в его рыхлости и неспособности к деловым соглашениям, сановники уже не опасались последствий роспуска (Сазонов и Поливанов добивались каких-либо умиротворяющих правительственных деклараций по этому случаю, однако Горемыкин отказался учесть их пожелания)⁶⁰.

Конфликт министров со своим председателем закончился его победой. Министры, выдвинувшие верховной власти 2 ультиматума за 3 месяца, по словам Горемыкина, "получили нахлобучку от государя императора за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса"⁶¹. После того, как царь отказался принять их отставку, министрам пришлось вновь работать с Горемыкиным, но это, сетовал впоследствии гр. Игнатьев, была не работа, а "мука, потому что Горемыкин не подчинился и чуть не каждый вопрос приходилось брать с боя" (впрочем, никаких примеров подобных боев граф не приводил)⁶². Так или иначе, после роспуска Думы и стабилизации положения на фронте уровень напряженности в правительственных сферах заметно спал.

Дальнейшая активизация борьбы внутри Совета министров была связана с назначением в сентябре 1915 г. министром внутренних дел А. Н. Хвостова, который получил этот пост по личному выбору Николая II и вопреки мнению Горемыкина. Его политические взгляды, несмотря на принадлежность к правой фракции Государственной думы, полностью подчинялись складывавшейся конъюнктуре⁶³. Так, расходясь во взглядах с гр. Игнатьевым, Хвостов считал необходимым его сохранение в составе Совета министров ради заигрывания с Думой. При этом мнения Игнатьева практически не влияли на правительственный курс⁶⁴. Свое противостояние Кривошеину, Рухлову и Шаховскому Хвостов объяснял деловыми соображениями и отсутствием у его коллег единого плана организации тыла. Открытый конфликт вскоре возник у него с Барком в связи с политикой в отношении синдикатов, борьбой с "немецким засильем" и финансированием правых организаций (им предполагалось выделить 5 млн. руб. из военного фонда)⁶⁵. Как писал Белецкий, Хвостов хотел заменить Барка своим единомышленником, который отпускал бы кредиты на полицейские мероприятия, прессу и предстоящую предвыборную кампанию⁶⁶. После назначения министром путей сообщения А. Ф. Трепова Хвостов получил было согласие царя на проведение в МПС сенатской ревизии, но Трепов сумел добиться у императора ее отмены. В беседе с обоими министрами император сказал: "Господа, я вам не приказываю, а вас прошу убедительно, - для пользы России, - этого не делать, этих контров: я ошибся, поторопился"⁶⁷.

К отставке Хвостова привело его столкновение с новым председателем Совета министров Б. В. Штюрмером, которым министр внутренних дел надеялся манипулировать. По мере усиления своих расхождений со Штюрмером, Хвостов всячески пытался столкнуть его с Поливановым, однако это лишь ускорило отставку последнего. В борьбе за власть и влияние Штюрмер, имевший более широкие и значимые связи, оказался сильнее⁶⁸. Уход Хвостова и Поливанова в марте 1916 г., а также бурная деятельность Трепова привели к заметному, хоть и краткосрочному, установлению в Совете министров деловой обстановки.

Ряд столкновений, произошедших в Совете министров летом 1916 г., был связан с деятельностью А. Н. Наумова, назначенного по инициативе Хвостова министром земледелия после отставки Кривошеина. Представитель умеренно-консервативных общественных кругов, бывший самарский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета по выборам от самарского земства (внепартийный), Наумов в целом продолжал политику своего предшественника. Острота продовольственного

вопроса, находившегося в ведении Министерства земледелия, вынуждала Наумова демонстрировать тесное сотрудничество с общественностью, а личный опыт позволял ему делать это подчеркнуто громко. Еще в январе 1916 г. Наумов и Сазонов выступали

за возобновление сессии Думы без предварительного определения ее длительности и каких-либо условий в отношении депутатов. Наумов настаивал на "полном доверии" и "полной искренности" в отношении к Думе, что должно было обеспечить принятие бюджета⁶⁹. Впрочем, позиция правительства по данному вопросу в целом соответствовала мнению Наумова.

В июне 1916 г. Наумов выступил в печати с интервью, в котором критиковал правительственную политику в отношении общественных организаций. Ему не нравилось недоверие к ним со стороны власти и сокращение предназначенных им казенных ассигнований. Сам Наумов несколько наивно считал, что таким образом он отнюдь не вступал в конфликт с коллегами по Совету министров, а только публично дистанцировался от них во имя сохранения деловых отношений с общественными деятелями и поддержания собственной репутации. Тогда же Наумов заявил Штюрмеру о готовности подать в отставку, но тот отверг это предложение. Тем не менее вскоре у Наумова вновь произошло столкновение со Штюрмером, Треповым и кн. Шаховским из-за намеченной речи министра земледелия в Государственном совете по продовольственному вопросу. Коллеги предложили Наумову выработать консолидированную позицию (продовольственный вопрос был тесно связан с транспортным и торговым, т.е. напрямую затрагивал интересы других ведомств) и изложить ее в Думе осенью, но тот заявил, что он "человек самолюбивый" и "общественный деятель", программа его деятельности создана в согласии с Думой (не правительством!) и ему хотелось бы выступить самому, даже не имея возможности поручиться за успех речи. Не поддаваясь ни на какие уговоры других министров, Наумов в конце концов прямо сказал, что не намерен больше работать вместе с ними⁷⁰. Между тем в своих воспоминаниях Александр Николаевич утверждал, что вынужден был оставить свой пост вследствие интриг Трепова, желавшего возглавить правительство и потому опасавшегося слишком популярного министра земледелия как потенциального соперника. В Совете министров один лишь Наумов выступал против плана Штюрмера, Трепова и Шаховского распустить палаты "тихо". По его собственному признанию, это было первое столкновение с Треповым и Шаховским, которые до того сохраняли с ним тесные деловые взаимоотношения⁷¹. Но главная причина конфликтов, связанных с действиями Наумова, по-видимому, все же заключалась не во властных амбициях Трепова (хотя они действительно имели место), и не в политических взглядах Штюрмера, а в необычном поведении самого министра.

Отставка Наумова вызвала новые трения среди министров, связанные с попыткой передачи продовольственного дела в ведение МВД. Ее инициатором стал Трепов, сомневавшийся в административных способностях гр. А. А. Бобринского, выдвинутого Штюрмером на должность министра земледелия. По свидетельству министра внутренних дел А. Д. Протопопова, Трепов сперва поддержал его, но после замены Бобринского на бюрократа-профессионала А. А. Риттиха выступил за сохранение прежней компетенции Министерства земледелия⁷². При этом Протопопов жаловался, что Штюрмер, Трепов и Бобринский, взвалив на него продовольственное дело, поссорили его с Государственной думой⁷³. Можно также предположить, что в лице Протопопова, ставшего министром из товарищей председателя Думы и первоначально надеявшегося на парламентскую поддержку, Трепов стремился устранить очередного конкурента в борьбе за пост главы правительства. Как бы то ни было, последние председатели Совета министров Трепов и кн. Н. Д. Голицын усиленно и безуспешно добивались отставки Протопопова, для улучшения отношений с Думой⁷⁴. В целом же, отношение министров к Государственной думе, кроме оказавшегося в исключительной ситуации главы МВД, было вполне единодушным: среди них господствовало примирительное настроение. В самой Думе ходили слухи о расколе в правительстве, признаки которого усматривали в выступлениях

сле их резких нападков на Штюмерера. Однако само появление министров в Думе и их речи были инициированы Советом министров⁷⁵.

Таким образом, конфликты, возникавшие в Совете министров после сентября 1915 г., в основном были вызваны ведомственными противоречиями, а также борьбой за власть таких фигур, как А. Н. Хвостов, А. Ф. Трепов и А. Д. Протопопов. Их личные амбиции приобретали особое значение в условиях сильно выраженного неформального лидерства внутри Совета министров и слабости его председателей. Кроме того, поведение таких не вполне типичных министров, как Поливанов и Наумов, провоцировало пусть и краткосрочные, но весьма острые столкновения. Резко учатившаяся под влиянием политических и административных затруднений смена министров вела, с одной стороны, к тому, что министры просто не успевали сработаться друг с другом, а с другой - к стремлению императора вводить в состав правительства необычные фигуры, а это, как правило, также не способствовало установлению деловой атмосферы. Столкновения внутри Совета министров, какие бы причины их ни вызывали, приводили к тяжелым политическим последствиям, особенно ярко проявившимся осенью 1916 г. Авторитет правительства в глазах общественности таял на глазах.

В целом, следует отметить, что возникавшие в правительстве в 1911 - 1916 гг. группировки носили ситуативный характер и не могут рассматриваться как "партии" или "крылья" внутри правительства. Политические взгляды не были определяющими для расстановки сил в Совете министров, и даже обсуждение взаимоотношений с Государственной думой обычно не вызывало на заседаниях острых разногласий. Основная проблема функционирования Совета министров в 1911 - 1917 гг. заключалась в отсутствии единой слаженной реакции его членов на поставленные самой жизнью многочисленные и часто принципиально новые по своему характеру проблемы. Такое единство было достижимо лишь при наличии у председателя Совета определенной программы действий и поддержки со стороны императора, которая позволила бы влиять на персональный состав правительства. Без этого на фоне острого кризиса на первый план выходили мелкие и крупные честолюбия, разница в опыте администрирования, сугубо ведомственные интересы, политические игры. В феврале 1917 г. это привело к полной дезориентации Совета министров перед лицом оппозиционной пропаганды и пораженческих лозунгов.

Примечания

¹ Кризис самодержавия в России. 1895 - 1917. Л., 1984. С. 430 - 428, 437 - 447, 517 - 518, 525 - 530, 533 - 534, 547 - 548, 554, 577 - 582, 601 - 602, 612 - 614; Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911 - 1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 111 - 118, 124, 128, 158 - 165, 170 - 172, 188, 191 - 197; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 613 - 614.

² Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988; его же. Кабинет П. А. Столыпина и проблема единства государственного управления в 1906 - 1911 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 1993. Сер. 2. Вып. 2. С. 29 - 40.

³ Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. От И. Л. Горемыкина к Б. В. Штюмеру: верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915 - январь 1916 г.) // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного

коллективума). СПб., 1999. С. 34 - 48.

⁴ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914- 1917). Рязань, 2004.

⁵ Там же. С. 13, 17 - 18, 21, 400 - 401.

⁶ Там же. С. 21, 395.

⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 - 1917 гг. М., 2002 - 2006. Важнейшим подспорьем при изучении журналов заседаний правительства являются неофициальные протоколы, составившиеся А. Н. Яхонтовым: Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999; Яхонтов А. Н. Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля - 2 сентября 1915 года // Архив русской революции. Т. 18. М., 1993. С. 5 - 136. См. также: Яхонтов А. Н. Первый год войны (июль 1914 - июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 245 - 348.

⁸ Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1925 - 1927.

стр. 88

⁹ В зарубежной историографии специальных работ, посвященных данной теме нет, однако неоднократно рассматривались внутриправительственные конфликты более раннего времени. *Mosse W. E. Russian Bureaucracy at the End of the Ancient Regime: The Imperial State Council, 1897 - 1915 // Slavic Review. Vol. 39. N 4 (December 1980). P. 616 - 632; Lieven D. Russia's Rulers under the Old Regime. N. Haven; L., 1989. P. 83, 294; Pintner W. Reformability in the age of reform and counterreform, 1855 - 1894 // Reform in Russia and the USSR: Past and prospects. Urbana, 1989. P. 83 - 106; Wcislo F. W. Reforming Rural Russia: State, local society and national politics, 1855 - 1914. New Jersey, 1990; Korros A. S. A Reluctant parliament. Stolypin, nationalism and the politics of the Russian imperial State Council, 1906 - 1911. N. Y.; Oxford, 2003.*

¹⁰ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Ч. 2. СПб., 2003. С. 897 - 899; Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992. С. 150 - 152.

¹¹ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 344 - 345.

¹² Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания (1903 - 1919 гг.). М., 1992. Кн. 2. С. 195.

¹³ Там же. С. 70.

¹⁴ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 194. Как отмечал кн. В. Н. Шаховской, бывший тогда начальником управления водных путей и шоссейных дорог МГТС и пользовавшийся доверием министра, Коковцов и Рухлов разошлись в вопросе строительства Черноморской железной дороги. См.: Шаховской В. Н. "Sic transit gloria mundi" (Так проходит мирская слава). 1893 - 1917 гг. Париж, 1952. С. 164 - 167.

¹⁵ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 55 - 60.

¹⁶ Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005. С. 234. Личный конфликт между министрами, как полагал Сухомлинов, возник после того, как он раскритиковал отчет Коковцова о поездке на Дальний Восток. Со своей стороны, Коковцов стал "всюду открыто" утверждать, что "в Военном министерстве царят хаос и развал".

¹⁷ Таубе М. Ф. "Зарницы": Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900 - 1917). М., 2007. С. 149 - 152, 161 - 162.

¹⁸ Коковцов В. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 70, 194.

¹⁹ Там же. С. 70, 264 - 266. "Основною чертою Кривошеина, - характеризовал его Коковцов, - всегда были рядом с исключительно обостренным самолюбием большой карьеризм и погоня за популярностью. Он зорко следил за барометром наверху, преклонялся перед каждою восходящею силою и отходя от нее с удивительной быстротою, коль скоро ему становилось очевидно, что эта сила пошатнулась. Так было и со Столыпиным".

²⁰ Там же. Кн. 1. С. 419 - 426.

- ²¹ Там же. Кн. 2. С. 68 - 70.
- ²² РГИА, ф. 691, оп. 1, д. 11, л. 11 - 12.
- ²³ *Коковцов В. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 68 - 70.
- ²⁴ РГИА, ф. 691, оп. 1, д. 11, л. 25 - 26.
- ²⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1913 год. М., 2005. С. 466. См. также: *Коковцов В. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 195 - 199.
- ²⁶ Особые журналы... 1913 год. С. 332 - 347.
- ²⁷ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 47, л. 5 об.
- ²⁸ *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 346 - 348.
- ²⁹ Особые журналы... 1913 год. С. 411¹²; Падение царского режима. Т. 2. С. 438. Т. 3. М. - Л., 1925. С. 133 - 134.
- ³⁰ *Яхонтов А.* Первый год войны... С. 319 - 320.
- ³¹ *Барк П. Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1965. N 159. С. 80.
- ³² Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 2 - 3, 6 - 7.
- ³³ Там же. С. 9. Таубе отмечает также враждебные отношения Кривошеина и Кассо (*Таубе М. А.* Указ. соч. С. 174).
- ³⁴ Падение царского режима. Т. 6. С. 6 - 7.
- ³⁵ *Шаховской В. Н.* Указ. соч. С. 57, 92 - 93, 160 - 164.
- ³⁶ *Барк П. Л.* Указ. соч. // Возрождение. 1966. N 169. С. 76 - 80.
- ³⁷ *Яхонтов А.* Первый год войны... // Русское прошлое... С. 316.
- ³⁸ Падение царского режима. Т. 6. С. 7.
- ³⁹ *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868 - 1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 285.
- ⁴⁰ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 52, л. 48.
- ⁴¹ *Шаховской В. Н.* Указ. соч. С. 167 - 169.
- ⁴² *Барк П. Л.* Указ. соч. // Возрождение. N 178. С. 102 - 103; *Яхонтов А.* Первый год войны... С. 336 - 337.
- ⁴³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. М., 2006. С. 545 - 554.
- ⁴⁴ *Наумов А. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 284.
- ⁴⁵ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1026, л. 500.
- ⁴⁶ Падение царского режима. Т. 6. С. 9, 14.
- ⁴⁷ Там же. С. 8, 10 - 13.
- ⁴⁸ *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 342. *Барк П. Л.* Указ. соч. // Возрождение. 1966. N 173. С. 102.
- ⁴⁹ Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 68.
- ⁵⁰ Там же. С. 217.
- ⁵¹ Там же. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 200.
- ⁵² *Яхонтов А. Н.* Первый год войны... С. 319 - 320, 323 - 324.

-
-
- ⁵³ *Его же*. Тяжелые дни. С. 69.
- ⁵⁴ *Шаховской В. Н.* Указ. соч. С. 151 - 157.
- ⁵⁵ *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни. С. 59, 71, 77.
- ⁵⁶ Там же. С. 82 - 87, 89.
- ⁵⁷ Там же. С. 89 - 99.
- ⁵⁸ Как утверждал Барк, Сазонов, до того лично не переносивший Маклакова, после его отставки перенес это чувство на Горемыкина (*Яхонтов А.* Первый год войны... С. 327 - 328).
- ⁵⁹ *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни. С. 89 - 99.
- ⁶⁰ Там же. С. 105 - 116, 119 - 123, 136.
- ⁶¹ Там же. С. 136.
- ⁶² Падение царского режима. Т. 6. С. 10 - 11.
- ⁶³ *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 - весна 1917 г.). М., 2003. С. 159 - 160, 172- 173, 179 - 183; *Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф.* Указ. соч. С. 39 - 40.
- ⁶⁴ Падение царского режима. Т. 4. С. 321 - 322.
- ⁶⁵ Там же. Т. 6. С. 76, 84 - 86, 88.
- ⁶⁶ Там же. Т. 4. С. 228.
- ⁶⁷ Там же. Т. 1. С. 45 - 46.
- ⁶⁸ Там же. Т. 4. С. 291 - 294, 387 - 390, 393 - 395; Т. 7. С. 77 - 80.
- ⁶⁹ Там же. Т. 1. С. 332.
- ⁷⁰ Там же. С. 337 - 343.
- ⁷¹ *Наумов А. Н.* Указ. соч. С. 539 - 542.
- ⁷² Падение царского режима. Т. 4. С. 71 - 78.
- ⁷³ РГАЛИ, ф. 389, оп. 1, д. 46, л. 111 об.
- ⁷⁴ Там же, л. 258 об.; *Шаховской В. Н.* Указ. соч. С. 89, 191 - 193; *Барк П. Л.* Указ. соч. // Возрождение. 1966. N 180. С. 78 - 80.
- ⁷⁵ *Игнатъев П. Н.* Совет министров в 1915 - 1916 гг. (Из воспоминаний) // Новый журнал. 1944. N 9. С. 282 - 284.